

Н. Н. Мазур

ДЕЛО О БОРОДЕ

Из архива Хомякова:

письмо о запрещении носить бороду и русское платье

*А ещё богохранима
На гвоздях торчит всегда
У ворот Ерусалима
Хомякова борода!*

О. Мандельштам

Споры славянофилов с западниками Кошелев описывал так: «За недостатком доводов они осыпали нас насмешками и сильно сердились, а мы смиренно им замечали: «*Tu te faches, Jupiter, donc tu as tort!*»² Это особенно их бесило»³. Судя по числу дошедших до нас анекдотов, mots и эпиграмм на славянофилов и немногим известным откликам, дело обстояло именно так. Парадоксальным образом даже Хомяков — «непобедимый брeтер диалектики» (так звал его Герцен), о «припадках любезной веселости»⁴ которого часто вспоминают современники, был склонен шутить скорее над своими единомышленниками и друзьями⁵.

Обилие анекдотов о славянофилах обуславливалось, конечно, не только «смирением» самобытников и остроумием их противников. Славянофилы являлись значительно более уязвимым объектом для иронии из-за тесной связи, которая в глазах современников установилась между их учением и бытовым поведением его носителей. Раннее славянофильство претендовало на роль не государственной идеологии (на это притязала «официальная народность»), не политико-социального учения (славянофилы не только полагали безгосударственность главной чертой русского народа, но и сами — не служа — не имели никакой определенной социальной роли), но именно целостного мировоззрения, основанного на знании народного духа. Это мировоззрение должно было изменить среди прочего и бытовое поведение образованной части русского общества.

1 Эпиграф предложен В. Я. Мордерер, ознакомившейся со статьей в ее первоначальном варианте.

2 «Ты сердисься, Юпитер, значит, ты неправ» (*фр.*).

3 Записки А. И. Кошелева. М., Изд. МГУ. 1991. С. 90.

4 *Жихарев М. И.* Докладная записка потомству о П. Я. Чаадаеве. — В кн.: Русское общество 30-х гг. XIX в. Изд. МГУ, 1989. С. 96. Ср. воспоминания Хитрово: «Не знаю человека, который мог бы переспорить Хомякова или привести в недоумение, он на все сумеет возразить и так находчиво, что если и неправо судит, то шутками и криком отыграется» (ОПИ ГИМ, Ф. 178. Ед. хр. 2. Дневник Владимира Ивановича Хитрово. Л. 77. Далее — Хитрово, с указанием листа).

5 Известна шутка, сыгранная им с Киреевскими, когда он объявил им о возвращении Чаадаева в лоно православной церкви (*Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М. 1904. Т. 8. С. 89). В. И. Хитрово в своих мемуарах приводит примеры похожих «веселых выходов» Хомякова: «На похоронах одной общей родственницы в Великий пост был обеденный стол в Донском монастыре, он уговорил одного приятеля, строго соблюдавшего посты, что положено в тот день и на поминках есть рыбное, тот ел, а сам он после ел только одно грибное, чему тот тогда приятно изумился»; он также «любил иногда пошутить с товарищами по охоте, давая некоторым из них, которые больше боялись ездить верхом, — сам же Алексей Степанович отлично ездил — давал им тряских лошадей, чем возбуждалась всеобщая веселость» (Хитрово. Л. 20). Сходные шутки см. также в статье Б. Ф. Егорова в кн.: *Хомяков А. С.* О старом и новом. М., Современник. 1986. С. 30—31.

Знаками декларированного знания «народного духа» в быту в середине 1840-х годов стали русское платье и борода⁶. Однако метафизические понятия трудно выразить в бытовом поведении, и современники часто не соединяли идею «духа нации» с армяком и бородой. «Передевание», которое для самих славянофилов было «перевоплощением», зрителями нередко воспринималось как маскарад. Можно выделить три типа восприятия «знакового» поведения славянофилов: русское платье и борода в светском обществе могли восприниматься как «неприличные», противоречащие сословному этикету, что подразумевало отказ от понимания их знакового характера. Иной тип восприятия был характерен для властей: видя в бороде подражание французским демократам: а в крестьянском платье на плечах дворян — угрозу сословным границам, власть относилась к такому поведению, как к «опасному», считая армяк и бороду знаками скрытой революционности. И наконец, люди просвещенные, хотя и понимали, какие идеи славянофилы хотели выразить в своем внешнем облике, не могли не видеть несоответствия русского платья немецкой философии, чье определяющее влияние на славянофильский дискурс было очевидным. По этому поводу П. А. Вяземский писал А. С. Норову в 1857 г.: «Несмотря на свои недуги, прочел я статью Хомякова, и это чтение — в силу только здоровому. В литературном отношении она очень тяжела и писана более по-немецки, чем по-русски. Странные люди — вопиют против чужеземного, а сами рабски подражают немецкой фразеологии и туманности»⁷.

В середине 1840-х шутки о русском платье не мешали уважению к стоящей за ним идее, но по мере того как выяснялась неспособность славянофилов к практической деятельности, ироническое отношение к ним многих представителей образованного круга значительно усиливалось. В 1847 году В. Ф. Одоевский писал Кошелеву: «Я теперь убеждаюсь, что все эти господа славяне — все те же немцы, только в зипунах, выстроили себе ряд слов с неопределенным значением и думают, что они ими все истолковали, а подо всем этим просто лень помещицья, только вместо преферанса или гран-пасьянса они раскладывают летописи, и потому считают себя вправе ни в грош не ставить наши приюты, рукодельни, общие квартиры, школы, простонародные книги и прочую рухлядь, над которой мы потеем, — у них все это — Запад, и потому ересь»⁸.

Воплощение идеи во внешнем облике опасно тем, что дискредитация последнего сказывается на отношении ко всему учению. Это особенно характерно для современников, поскольку им бытовое поведение известно лучше, и часто оно оказывается более значимым, чем учение, для целостного восприятия которого требуется некоторая временная дистанция. Всякая непоследовательность в поведении славянофилов вызывала подозрение в несостоятельности их взглядов, и соответственно объектом иронии становился весь комплекс идей, который — как предполагалось — должен его определять. Ироническое акцентирование маскарадности платья одновременно указывало на чуждость славянофилов истинной народности. Чаадаев в своей шутке о том, что Константина Аксакова в русском платье народ на улицах принимал за персиянина, тонко обыгрывал именно эту мнимую близость «самобытников» к народу. Ту же модель мы

6 Первым из славянофилов отпустил бороду и надел русское платье К. Аксаков. 1 июля 1844 г. он писал Погодину, что подобно Дону Педро не сбреет бороды, пока не закончит диссертации (*Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 7. СПб., 1895. С. 421—422*). Из воспоминаний Хитрово известно, что Хомяков отпустил бороду осенью 1845 г.

7 Исторический вестник. 1880. Т. 1. Вып. 2. С. 218.

8 *Колупанов Н. И. Биография А. И. Кошелева. Т. 1. Кн. 2. М., 1889. С. 97.*

видим и в воспоминаниях Никитенко 1856 г.: «Познакомился на вечере у министра с одним из коноводов московских славянофилов, Хомяковым. Он явился в зало министра в армяке, без галстука, в красной рубашке с косым воротником и с шапкой-мурмошкой под мышкой. Говорил неумолчно и большей частью по-французски — как и следует представителю русской народности»⁹. В pendant шутке Чаадаева можно привести свидетельство реального восприятия костюма Хомякова, описанное бесхитростным В. И. Хитрово: крапивинские помещики «изумлялись все костюму Алексея Степановича и бороде его: он был в своей славянке, в пунцовой рубашке без галстука, и вместо жилета на нем была поддевка», однако впоследствии еще более они были изумлены его «умом и любезностью» (которых, по всей видимости, они не ожидали встретить в человеке, одетом в столь странный наряд). И дальше: «Одежду его тут многие объясняли именно тем, что он стоит во главе одного либерального общества, которого члены все носят русское платье и называются славянофилами; правительство сначала тайно присматривало за ними, находя их подозрительными, но напоследок оставило их без внимания»¹⁰. От характерного для светского общества восприятия русского платья как «странного» провинциальные помещики перешли к точке зрения правительства («тайное общество»): два уровня восприятия, и оба — не те, на которые рассчитывали славянофилы.

Уязвимость славянофилов как объекта иронии усугублялась и теми ролями, которые им приписывались в обществе. Оставив в стороне вопрос о том, насколько сам Хомяков искал роли пророка¹¹, заметим только, какое широкое поле для анекдотов представляет собой пророк в быту. Это придает особый комический эффект наивному рассказу Хитрово об именинах матери Хомякова: Марья Алексеевна после всенощной отправилась «к себе во флигель пить чай, и там ... Софья Осиповна Трубицына со своею экономкою Надеждою Алферьевною услаждали слух [ее] пением духовных кантатов, и пение это было весьма умильное. Пока эти песнопения возносились во флигеле, в доме Алексей Степанович играл в карты»¹². К ироническому акцентированию образа пророка прибегали многие — от Д. Н. Свербеева, встречавшего Хомякова возгласом «Не окрестил ты Альбиона»¹³, до Ф. Ф. Вигеля, построившего на этом целую язвительную статью¹⁴.

На оксюморонном совмещении двух пластов — религиозно-символического и бытового построены известные эпиграммы Соболевского на славянофилов: это и «синие чулочки» на ногах «булгарской мадонны» графини Блудовой и следующее описание славянофильского «скита»:

9 Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. М., 1955. С. 429. Ср. с замечанием мемуариста о С. Н. Глинке: «Французов, их воспитания, их образа мыслей терпеть он не мог, но по-французски говорил охотно и нередко» (Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 107). Контраст между языком и платьем был, по-видимому, уязвимым местом многих «самобытников».

10 Хитрово, л. 39.

11 Проблема восприятия Хомякова современниками подробно исследована Е. Е. Пастернак (статья находится в печати).

12 Хитрово, л. 41.

13 Намек на поездку Хомякова в Англию и встречи его с епископом Пальмером для выяснения возможности объединения православной и англиканской церквей. Упоминание о шутке — ОПИ ГИМ. Ф. 178. Ед. 20. Л. 69.

14 Статья Вигеля написана для усугубления эффекта языком пародируемого объекта: «Сему мнимому праведнику, о Господи, прости его прегрешения, умерь в нем гордыню духа, внушенную ангелом тьмы, и подаждь христианское смирение, тебе столь угодное». Русский архив, 1905. № 3. С. 522—523. Отметим также игру бытового и символично-религиозного в характеристике Вигелем Чаадаева: «плешивый лжепророк».

Во имя странного святого
 Поставлен их славянский скит.
 На бочке пенника простого
 Блаженный Кокорев сидит.
 Пред ним коленопреклоненный,
 Не чуждый также откупов,
 Кадит усердно муж почтенный,
 Творец «Беседы» Кошелев¹⁵.

Весьма распространенная и в общем нисколько не постыдная деятельность по части винных откупов современниками постоянно ставилась в вину Кошелеву из-за его претензий на роль «народного трибуна». Следует, однако, уточнить, что ни Хомяков, ни Киреевские не становились объектом подобных эпиграмм (хотя Хомяков и занимался откупками), что, по-видимому, объяснялось иным масштабом этих фигур, заданным значительностью их роли в интеллектуальной жизни 1840-х — начала 1850-х гг. К началу 1860-х гг. — времени появления эпиграмм — никого из «ранних славянофилов» уже не было в живых.

Не менее популярными были многочисленные истории о лености и необразованности славянофилов. Над первой нередко шутили они сами: «Когда-нибудь Гоголь подслушает нас или прочтет наши письма и вклеит в камедь; да и поделом! — писал Хомяков Языкову в 1845 г. — Я бы стал писать, да дела мешают; а ты? Мне здоровье мешает. Вот дела устрой или желудок вылечу и примусь писать; право примусь, ей-ей примусь»¹⁶. Д. А. Валуева — единственного деятельного участника славянофильского кружка, которому иногда удавалось заставить работать и остальных — Свербеев за эту его роль прозвал «часовщиком»¹⁷; сами славянофилы охотно рассказывали, что Валуев запирает Хомякова в кабинете, чтобы тот начал наконец писать «Записки о всемирной истории».

О К. Аксакове Соловьев говорил, что он отлично учился в Московском университете тогда, когда там нечему было учиться, а после всю жизнь просидел с удочкой на берегу пруда или проездил по гостям¹⁸. История о том, как Хомяков изобретал цитаты из никогда не существовавших писателей, вошла даже в роман Боборыкина «Княгиня»¹⁹. Кошелева упрекали в отсутствии собственных мыслей; Вяземский вспоминал, что когда жалели о смерти Хомякова и о детях его, оставшихся сиротами, А. П. Ермолов заметил: «Нет... что же, он семейству оставил хорошее состояние, а нельзя не пожалеть о Кошелеве, который без него остался при собственных средствах своих, т. е. дурак дураком»²⁰.

15 Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX века. Л., 1975. С. 376. Кокорев В. А. — богатый откупщик, субсидировавший славянофильские издания.

16 Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1904. С. 111.

17 ОПИ ГИМ. Ф. 178. Ед. 20. Л. 66.

18 Записки С. М. Соловьева. — Русский вестник, 1896, апрель. С. 6. Характеристики остальных славянофилов не приводим из-за сходности их характера.

19 «Хомяков ломал копыя с западниками, и когда нужно, пускал в ход цитаты, которых потом нигде нельзя было найти» (Боборыкин П. Д. Княгиня. Вестник Европы, 1896, февраль. С. 502). Возмущенный отклик Ю. Бартенева см.: Русский архив, 1896. № 5. С. 158. Подписано Ю. Б.

20 Вяземский П. А. Старая записная книжка. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 448. Ср. характеристику, данную Кошелеву Е. П. Ростопчиной в «Доме сумасшедших»:

Кошелев — беседы русской
 Корифей и коновод,
 Революции французской
 В недрах Руси скороход;
 Славен мыслями чужими
 И чужим добром богат,
 Меж сеидами своими
 Доморощенный Марат.

(Эпиграмма и сатира. М.—Л., 1932. Т. 2. С. 48).

Приведенные выше анекдоты и эпиграммы были оружием в полемике: насмешки над бытовым поведением славянофилов становились одновременно способом дискредитации их мировоззрения. К иному типу относятся анекдоты, являющиеся плодом кружкового «жизнетворчества», то есть создаваемые и рассказываемые с целью упрочения определенной репутации. В кружке славянофилов центральной фигурой в этом отношении был Хомяков, который вел публичные споры с раскольниками, изобретал дальнобойное ружье и паровую машину, составлял словарь санскритско-русских соответствий и обладал столькими талантами, что С. Т. Аксаков однажды заметил: «Из Хомякова можно выкроить десять человек, и каждый будет лучше его»²¹. Существенной особенностью славянофильского жизнетворчества была разомкнутость границ между анекдотом и «высокой биографией»: так анекдоты Хомякова о своем детстве были записаны с его слов П. И. Бартеневым и легли в основу его «Биографических воспоминаний», а впоследствии входили во все жизнеописания как доказательство неизменности характера Хомякова и рано проявившейся в нем любви к славянам²². Споры Хомякова с раскольниками современниками воспринимались как причуда, Ф. Ф. Вигель ставил их в общий ряд «лжепророческих деяний» Хомякова²³, однако впоследствии этот эпизод получил иное толкование. Так, К. П. Ободовский, в записках которого зафиксированы поздние рассказы о Хомякове, утверждал, что в этих спорах «Хомяков, вдохновенный, как апостол, поражал своих противников силою своего пламенного красноречия»²⁴.

Ту же эволюцию легко пронаблюдать и на примере истории изобретения Хомяковым бесшумной паровой машины, которую он в 1851 году отправил на выставку в Англию. Как вспоминал М. П. Погодин, машина при испытании «подняла такой шум и стук, издала такие необыкновенные, пронзительные и раздражительные дикие звуки, что все соседи... грозились подать просьбу в парламент, если они не прекратят своих опытов»²⁵. Кошелев писал о ней: «Англичане признают новость принципа, но вместе с тем видят совершенную невозможность машину Хомякова приложить к делу»²⁶. Тогда Хомяков решил не называть машину «бесшумной», а назвать ее «Московкой». Однако впоследствии скрипучесть двигателя особенно не подчеркивалась, а сам факт изобретения ее Хомяковым служил одним из доказательств того, что «по всем частям человеческого знания ... не было предмета, который был бы ему чужд или в котором он бы не принимал участия»²⁷. Подобные истории в пересказе обрастали новыми подробностями, так, например, К. П. Ободовский, знавший Хомякова

21 Приводится в кн.: Ляковский В. Н. А. С. Хомяков. Его жизнь и сочинения. М., 1897. С.47.

22 Воспоминания Бартенева опубликованы в приложении к «Русской беседе». 1860. Кн. 2. «В память об Алексее Степановиче Хомякове». Эти сведения приводились впоследствии во всех биографиях Хомякова.

23 Вигель Ф. Ф. По поводу стихов А. С. Хомякова «России». — Русский архив. 1905. № 3. С. 522—523.

24 Ободовский К. П. Листки из записной книжки. — Исторический вестник, 1893. № 12. С. 779.

25 Цит. по: Завитневич В. З. А. С. Хомяков. Т. 1. Киев, 1902, С. 243.

26 Там же.

27 Воспоминания А. И. Кошелева о Хомякове. — В кн.: Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1904. С. 124. Кошелев рассказывает здесь также историю о том, как Хомяков поразил своим знанием Алеутских островов путешественника, только что оттуда приехавшего, так что ему «почти приходилось обратиться оглобли и ехать, откуда окончательного ознакомления с местами, где он пробыл уже несколько лет». Здесь же различные анекдоты о поразительной памяти Хомякова и пр.

по рассказам Я. П. Полонского, утверждал, что Алексей Степанович имел особенную способность «к изучению языков и в течение 2—3 месяцев вполне усваивал тот или иной язык, который он положил себе усвоить»²⁸.

Разомкнутость границ между анекдотом и «высокой биографией» ярко проявилась в истории о том, как славянофилам запретили носить бороду и русское платье. В лаконическом пересказе этот эпизод выглядел так: с Хомякова «брали подписку о ношении бороды и... [в 1856 г.] на Страстной неделе, в то время как он говел, пригласили в полицейский участок и сбрили бороду»²⁹. Пуант анекдота — насильственное бритье в участке — фактически недостоверен, но явно подсказан некоторыми культурно-историческими ассоциациями³⁰. На самом деле 10 апреля 1856 года московский полицмейстер, полковник Замятнин, вежливым письмом пригласил Хомякова к себе и, сославшись на высочайшее повеление, подпискою обязал его сбрить бороду и не носить в публике русского платья (письмо было сохранено Бартеневым)³¹. Рассказы об этом событии — частью возмущенные, частью иронические — немедленно распространились в обществе, и весь эпизод стал одним из самых примечательных в истории славянофильского кружка.

Следует, впрочем, уточнить, что в первый раз славянофилы сбрили бороды в 1849 году по приказу Николая Павловича (знаменательный смысл приобретает в этом случае традиционное уподобление Николая I Петру I). Хомякову неоднократно «советовали» обриться и особенно настойчиво — после французской революции 1848 года. Как вспоминает Хитрово, в апреле 1849 года Алексей Степанович был сильно встревожен: «граф Орлов два раза присылал ему сказать, чтобы он сбрил свою бороду, что так угодно Государю, ... но он никак не соглашается, говорит, что когда прикажут сбрить бороды всем, тогда и он сбреет свою, а если ему одному прикажет это Государь, то он сбреет ее, но примет это за оскорбление, и в заключение не верит, чтоб Государь это сказал, а подозревает, что только Государевым именем хотят заставить сбрить эту любезную ему бородку, которую из всех славянофилов носят только Алексей Степанович, оба Аксаковых, отец и сын, да Бестужев»³². К Хомякову приезжал обер-прокурор Святейшего Синода, граф Протасов, и возможно, в результате этого свидания в конце апреля, по сообщению Хитрово, он решается сбрить бороду, хотя и очень недоволен этим³³. Хомяков вскоре

28 *Ободовский К. П.* Там же. С. 779.

29 *Матвеев П. А. А. С. Хомяков.* Русская старина, 1904, май. С. 474.

30 Не останавливаясь сейчас на их анализе, отметим только, с какой гордостью Кошелев рассказывает о том, как он отстоял свою бороду, попросив обер-полицмейстера передать графу Закревскому покорнейшую просьбу оставить его бороду в покое и добавив: «Если же это невозможно, ... то придется взять меня силою и обрить меня в цирюльне». Этим, — пишет он — «и закончился поход генерал-губернатора против моей бороды». *Кошелев.* Там же. С. 97.

31 «Московский полицмейстер, полковник Замятнин, свидетельства совершенное почтение Его Высокоблагородию Алексею Степановичу Хомякову, покорнейше просит пожаловать к его Высокоблагородию завтра, то есть во вторник, 10 числа сего Апреля в 11 часов утра. Апреля 9 дня 1856 года». ОПИ ГИМ. Ф. 178. Ед. 33. Л. 70.

32 Хитрово, л. 46.

33 Там же. См. также письмо Хомякова к А. Н. Попову 1849 г. «Мы все ходим уже бритые». *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1904. С. 191. В это же время Хомяков в письме к А. Д. Блудовой рассказывал следующую историю: «На днях я как-то горячился случайно в разговоре с приятелем, и приятель мне объявил очень важно: «*Mon cher, vous souffrez d'une barbe rentrée*» (Мой друг, вы страдаете от вогнанной внутрь бороды). Там же. С. 375.

снова отпускает ее, а осенью 1851 года расстается с бородой добровольно, потому что приглашен на вечер к великой княгине Екатерине Михайловне³⁴.

Неясно, была ли у Хомякова борода в 1854 г., когда его вызывали к графу Закревскому и взяли расписку, что он не будет никому сообщать своих произведений, пока их не утвердит цензура (причиной тому было стихотворение «России»). Об этом визите Бартенев сообщает следующий анекдот: «Когда Закревский по приказанию свьше запретил ему даже читать свои стихи кому бы то ни было, Хомяков спросил: «Ну а матушке можно?» — «Можно, только с осторожностью», — сказал ему улыбаясь тогдашний московский паша, получавший полицейские донесения о том, кто у Хомякова бывает и к кому он ездит»³⁵. Следует заметить, что матушка Хомякова Марья Алексеевна, женщина суровая и властная («суворовский солдат», по определению самого Хомякова³⁶), не одобряла либеральных взглядов сына, русского платья и бороды. Споры их, которые велись через девку, посылаемую из комнат матери в кабинет сына, оканчивались обычно тем, «что девка являлась в кабинет и произносила: «Матушка приказала сказать, что у Вас козлиная борода»³⁷.

В 1849 году меры правительства против бороды не вызвали открытого протеста, однако приказ сбрить бороды и не носить русского платья в 1856 году прозвучал странно. То, что было естественно в николаевскую эпоху, совершенно не соответствовало облику Александра II, с которым славянофилы связывали столько надежд. Такое поведение «царя-либерала» было тем более неожиданным, что совсем недавно Хомяков ездил в Петербург, чтобы получить разрешение на издание журнала и на ношение русского платья, и повсюду появлялся в славянском костюме. К этому эпизоду жизнетворчества со сдержанной иронией отнеслись участники славянофильского кружка³⁸. Однако Хомяков не без гордости писал о том, что в Москве он был «встречен целою стаею мифов о [своем] ... петербургском пребывании»³⁹.

Непонятно, однако, существовало ли действительно высочайшее повеление или же причиной всему было излишнее усердие чиновников. В. А. Кокорев, хорошо знакомый и с Хомяковым, и с московским генерал-губернатором графом Закревским, утверждал, что всему виной была «больная сторона натуры» генерал-губернатора: «мнимая необходимость вмешиваться в частную жизнь москвичей и видеть в каждом малозначи-

34 Там же. Л. 81. Ср. воспоминания дочери Хомякова: «Я помню отца, когда ему приходилось сбривать бороду, и хотя он (оставил усы — ?) или немного пробривал подбородок, но он становился очень похож на свой портрет в молодости». ОПИ ГИМ. Ф. 178. Ед. 1. Л. 65. Судя по этой заметке, борода сбривалась неоднократно.

35 *Бартенев П. И.* Поминка по А. С. Хомякову. Русский архив, 1910, № 11. Интересно, что в другом варианте Бартенев изменяет кульминацию анекдота — заключительную фразу Закревского: «Матушке можете читать, — сказано в ответ, — и пожалуйста передайте ей мое почтение». — Цит. по: *Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Б. Ф. Егорова. Л., 1969. С. 570.

36 *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1904. С. 326.

37 *Бартенев П. И.* Воспоминания. Российский архив. Т. 1. М., 1991. С. 67.

38 См. например, письмо П. В. Киреевского к Е. И. Елагинной: «Хомяков и все прочие получили разрешение писать, и Смирнова звала его в Петербург, чтобы он приезжал небритый, немытый и нечесаный, и все-таки будет представлен императрице. Теперь он там и, говорят, надеется получить разрешение носить русское платье». Литературное наследство. М., 1968. Т. 79. С. 69.

39 *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1904. С. 322.

тельном случае потрясение правительственной власти»⁴⁰. По его словам, когда до сведения графа дошло, что Хомяков носит бороду, «он посылал к нему с бумагою (1856 года) квартального надзирателя, в которой сказано, что Алексей Степанович должен обриться». Того же мнения был и Кошелев, заявлявший, что Закревский давно питал ненависть к славянофилам, и отдал это приказание, ожидая приезда в Москву Александра для коронации⁴¹.

Объяснение случившегося Бартеневым было изложено в форме анекдота: «В марте 1856 года, на обеде в Дворянском собрании в честь Севастопольского коменданта Д. Е. Остен-Сакена (у которого некогда служил Хомяков) голос Алексея Степановича не умолкал. Вскоре приехал в Москву государь Александр Николаевич и спрашивал у князя С. М. Голицына, «что такое было в Дворянском Собрании?» — «Какая-то чуйка, — отвечал князь, — не давала никому говорить с генералом». На другой день я сидел у Хомякова, когда к нему явился полицейский чиновник с приказанием немедленно обриться»⁴². В то время как В. А. Кокорев и А. И. Кошелев объясняют все самоуправством графа Закревского, Бартенев настойчиво подчеркивает участие императора⁴³. Вероятно, сыграли свою роль оба обстоятельства⁴⁴, однако Бартенев, принимавший непосредственное участие в «сотворении биографии» Хомякова, выбрал версию, подразумевавшую мотив противостояния императору. Таким образом, включалась определенная историческая реминисценция и все происшедшее переводилось на иной стилистический уровень (следующий абзац заметки заканчивался фразой: «Память Хомякова навеки священна для русского народа!»). Отмеченное выше отсутствие в бартеневских воспоминаниях о Хомякове четкой границы между анекдотом и «высокой биографией», с одной стороны, можно объяснить тем, что, с его точки зрения, обилие анекдотов связано со значительностью культурной роли их героя. С другой стороны, сами славянофилы посягательство на бороду трактовали как оскорбление народности, что видно по приводимому ниже тексту.

Этот текст хранится в архиве Хомяковых и, по всей видимости, представляет собой написанное в славянофильском кружке письмо, предназначенное для распространения в обществе. Очевидно, о нем идет речь в письме Кошелева к А. Н. Попову от 26 апреля 1856 г.: «Я посылаю к Ки-

40 Кокорев В. А. Воспоминания давнопрошедшего. Русский архив. 1885. № 9. С. 155.

41 Кошелев А. И. Там же. С. 96. Коронация Александра состоялась 26 августа 1856 г., что заставляет сомневаться в версии Кошелева. Приказание брить бороды было отдано сразу после приезда царя в Москву в конце марта 1856 г.

42 Бартенев П. И. Поминка об А. С. Хомякове. Русский архив. 1910. № 11. Более подробный и реалистичный вариант см.: Бартенев П. И. Воспоминания. Российский архив. Т. 1. М., 1991. С. 66.

43 См. также примечание Бартенева к вышеупомянутой заметке В. А. Кокорева: граф Закревский «в мерах своих против представителей московской умственной жизни исполнял ... только приказания императора *Николая Павловича*» (курсив мой. — Н. М.). Русский архив. 1885. № 9. С. 157.

44 Император недолюбливал Хомякова еще со времени написания им стихотворения «России» — См. примеч. П. И. Бартенева в кн.: Стихотворения А. С. Хомякова. М., изд. Русского архива. 1910. С. 183. Граф Закревский мог воспользоваться случаем, чтобы успокоить волну славянофильских обедов, превращавшихся в нежелательные политические демонстрации (обед в честь генерала С. А. Хрулева 18 декабря 1855 г. по инициативе членов Английского клуба (с речью М. П. Погодина); с 18 февраля 1856 г. обеды в честь флотских экипажей Севастополя (речь В. А. Кокорева на обеде в Купеческом собрании 26 февраля 1856 г.), обед в честь начальника Севастопольского гарнизона Д. Е. Остен-Сакена 5 марта 1856 г. в Дворянском Собрании).

реевскому статейку, которая здесь ходит по рукам на счет подписки, взятой с Хомякова. Если успеют переписать, то приложу копию и для вас, прося вас сообщить ее кому будет полезно. Очень, очень было бы важно произвести реакцию против Закревского, князя Сергея Михайловича Голицына и других»⁴⁵.

Принятые правительством меры против бороды и русского платья стали для славянофилов поводом подчеркнуть их символическое значение. Если борода называется знаком народности и православия, противостоящим «онемечению» и «разврату», то ношение ее может толковаться как подвиг. (По всей видимости, такое отношение получило впоследствии достаточно широкое распространение, так у Ободовского читаем: Хомяков ходил «всегда в русском платье, что было подвигом с его стороны, так как в николаевское время русские костюмы были строжайше запрещены и подвергались беспощадному гонению»⁴⁶.) Однако подобная позиция обозначена только в двух последних абзацах письма, резко отличающихся по тону от остального текста, в котором автор (авторы — ?), напротив, готов допустить, что ношение русского платья «не нужно» и даже «смешно». Текст примечателен своей неоднородностью. Хотя окончательная атрибуция его пока затруднительна, можно с уверенностью сказать, что в нем представлены две крайние в славянофильском кружке точки зрения, подкрепленные совершенно разными способами аргументации. В последних абзацах ясно звучит хомяковская и аксаковская непримиримость — посягательство на бороду есть посягательство на народность. В начале письма речь идет лишь о вмешательстве верховной власти в частную жизнь граждан — довод, более характерный для западников. Мысль о том, что в подобном поведении заключается долг всякого русского противостоять «онемечению» и «разврату», не согласуется с осторожными объяснениями того, что славянофилы не только не выказывали неповиновения, но и не желали нарушить общественное спокойствие. Оправдывающаяся интонация, звучащая в письме, может принадлежать осторожному Кошелеву, более других боявшемуся потерять разрешение на издание «Русской беседы», в которой он должен был быть редактором. Очевидно, что этот текст предназначался не для сочувствующих или единомышленников. Письмо должно было «произвести реакцию» в Петербурге, где славянофилы могли рассчитывать на помощь графа Е. Е. Комаровского (Кошелев посылает письмо И. В. Киреевскому, всегда останавливавшемуся в свои приезды в Петербург у Комаровского), П. А. Вяземского и Д. Н. Блудова. Можно предположить, что отношение к такому «тактическому ходу» Хомякова и Аксакова было неоднозначным и, возможно, именно поэтому письмо не получило распространения в Москве. Ряд последовавших событий совершенно иного масштаба мог оттеснить на второй план «дело о бороде»⁴⁷.

Надо заметить, что, даже отказавшись от русского платья, Хомяков не перестал использовать одежду как знак определенных идей. По воспоминаниям Хитрово, в 1858 году Хомяков, «которого вообще тульские дворяне считали за первого глашатая и горячего сторонника так называемой эманципации, явился в тульское благородное собрание на выборы во фракке, тогда некоторые из дворян, частью из придинок к нему, частью от из-

45 Русский архив. 1886. № 3. С. 359. Кошелев не называет автора статьи.

46 Ободовский К. П. Там же. С. 779. Характерна оговорка о николаевском времени.

47 14 апреля 1856 г. скончался П. Я. Чаадаев, 11 июня в Петербурге умер И. В. Киреевский, 25 октября того же года под Орлом умер его брат П. В. Киреевский.

лишней страсти к формальности, наделали Хомякову дерзостей, требовали, чтобы он удалился из собрания, потому что он во фраке, а не в мундире. Тогда Хомяков принужден был уехать, но достав где-то мундир, возвратился снова в собрание. Неугомонные из дворян не остановились на придирке к мундирности (...) и требовали от него, чтобы он еще присягал особо (...). Тогда Хомяков, чтобы отделаться от всех этих заносчивых требований, сказал им, смеясь: «Господа, как вы хотите, чтобы я присягал — Бог запрещает клясться небом и землею: небо от нас высоко, а землю от нас отнимают», — общий хохот, и его оставили в покое»⁴⁸.

<ПИСЬМО О ЗАПРЕЩЕНИИ НОСИТЬ БОРОДУ И РУССКОЕ ПЛАТЬЕ>

Хомякова пригласили к полицмейстеру Замятнину и обязали подпискою выбрить бороду и не носить в публике *национального* платья. И это случилось когда? Тогда, когда Царь с похвалами и благодарностью отпускает ополчение, одетое в русское платье! Когда еще слышны отголоски воззваний к народности, долженствовавшей спасти Россию и действительно явившейся не недостойною прежних лет, несмотря на долгое неласковое с ней обращение!¹

Мера эта произвела вообще тяжкое впечатление, и порадовались ей лишь немцы, несколько отживших свой век французских маркизов, и двое-трое капралов, привыкших в строгом соблюдении установленной формы видеть спасение отечества. Люди разных возрастов, состояний и мнений опечалились при мысли, что правительство хочет опять вмешиваться в частные дела граждан, опять все подводит по экало единообразия и оказывать презрение к народности, к которой, однако, в дни скорби не преминуло обратиться.

Полиция потребовала подписку о ненаошении бороды и русского платья, основываясь на Высочайшем повелении. Вероятно ли это? Можно ли допустить, чтоб высокообразованный, благодущный император Александр II-й, приехавший в Москву в первый раз после заключения мира тяжкого² и приветствованный всеми сословиями и лицами с восторгом давно небывалым, повелел опозорить человека, никогда не замеченного ни в каком предосудительном поступке, отца многочисленного семейства, писателя, известного всей России и даже Европе³, и вместе с тем (и это еще важнее) оскорбить почти весь народ русский объявлением народного платья неприличным на плечах высшего в Государстве сословия? Нет! Это клевета, возведенная на Царя дерзкими его слугами, или плод ухищренных клевет перед Монархом от недобросовестных савонников на мирного, Отцу и Царю преданного гражданина, и что еще хуже, на целый ряд людей, пламенно любящих свою родину и готовых быть верными, бескорыстными слугами своего Государя.

Но в чем вина Хомякова и немногих лиц, отпустивших себе бороду и надевших русское платье? Нарушили ли тем они общее спокойствие? Возбуждали ли они чрез то кого-либо к неповиновению? Основали ли они под этим видом какое-нибудь вредное общество? — Нет, и сами преследователи их даже тайком, вполголоса не посмеют ответить утвердительно. Так где же предлог к оправданию вмешательства верховной власти в невинное дело предпочтения одного платья другому, небритья бритью бороды?

Видимый к тому предлог есть существование прежнего Высочайшего повеления, запрещавшего в подражание французским демократам отпус-

48 Хитрово, л. 40.

кать бороды и сверх того *скандал*, будто бы произведенный появлением русского платья в собрании высшего общества⁴; действительная же причина вражды против людей дворянского сословия, носящих бороду и русское платье, заключается в неукоризненном их поведении в гражданском смысле, в ненависти их ко лжи и подлости и в готовности сказать правду, хотя бы с опасностью для жизни.

Но они демократы, говорят французские маркизы, они хотят ввести равенство и уничтожить крепостное состояние! Против крепостного состояния, думаю, не одни носящие русское платье; полагаю, что ни один просвещенный русский не желает увековечения этой язвы у нас на Руси. Что же касается до демократических стремлений, то смело можно сказать, что ничем, совершенно ничем они их не выказали; ношение же русского, хотя бы крестьянского платья, не знаю, почему демократичнее ношения фрака, сюртука и пальто, в которые одеваются камердинеры, повара и лакеи. Тут может быть спор о вкусах, но отнюдь не о степени демократичности того или другого платья.

Но они, эти ненавистные славянофилы, хотят сделать из нас китайцев и отрезать нас от Европы — вот еще обвинение, которое часто раздается в так называемом высшем обществе. И этот упрек столько же несправедлив, сколько и первый! Так называемые славянофилы, по сознанию самих врагов, суть люди просвещенные, даже ученые, как же могут они проповедовать мрак и отчуждение от Европы?

Но к чему покидать общеевропейское платье и одеваться по-русски? Допустим, что это не нужно, даже смешно, но, во всяком случае, оно не преступно, не противозаконно, даже не злонамеренно, следовательно, вмешательство Правительства в такое дело было бесполезно, оно даже вредно, ибо становится в неприязненное отношение к народности, оскорбляет людей, ничем перед ним не провинившихся, и вталкивает их, вопреки их чувствам и желаниям, в ряды недовольных.

Для чего Хомяков и некоторые другие надели русское платье и отпустили себе бороду? Они это сделали, потому что они убеждены, что всякий народ должен быть сам собою, дорожить своею народностью, своими нравами и обычаями, что Россия, просвещенная верою Христовою не из Рима, а с востока, должна в развитии человечества принять участие особенное, отличное от европейской образованности, что в русской народности, пропитанной православием, заключены семена иного просвещения, начала иного быта, более мирного, более твердого, чем тот суетливый, из враждебных стихий составленный порядок вещей, который существует в Европе. Сверх того, эти люди, видя, как онемечение обхватывает все слои народа, как в Москве и Петербурге, в городах и на больших дорогах вместе с онемечением распространяется и усиливается всякий разврат, сочли долгом всякого русского противодействовать этому злу, и они решились на это тем легче и открытее, что в последнее время они видели указания к тому со стороны самого Правительства. — Эти взгляды могут быть ошибочны, но в таком случае время и общественное мнение обнаружат заблуждения, намерения же этих людей честны, даже почтенны, и клеймить их позором за добрые пожелания есть дело по крайней мере неловкое и неблагоприятное.

Какие последствия эта мера может иметь вообще на Руси? Чувство народности у нас пробуждалось, разные воззвания к народности, низшедшие с высоты престола, начинали оживлять давно дремавшие в России нравственные силы, рождались надежды, что правда, самобытность, бескорыстие, истинная любовь и преданность к отечеству и Царю призыва-

лись на службу; чаяли, что ложь, взятки и всякая безнравственность сокрушатся живительною силою народности. И что ж? неужели все это мечты? Нет! еще живо, еще сильно упование людей благонамеренных, всего народа русского на высокое призвание Александра II-го воскресить русскую веру в правду и в добро, и вызвать не лживую, не голословную, не бесплодную, а живую и чудотворную преданность к Престолу, олицетворяющему для русского единство и величие его отечества. Нет! Посягательства на русскую народность — презрение, выказанное бороде при русском платье, есть или клевета на Царя, или клевета на верноподданных перед Царем. Русский царь не мог запретить русским быть и казаться русскими.

Примечания

Приводимый текст хранится в архиве Хомяковых в ОПИ ГИМ, ф. 178, ед. 1, л. 27 — 29. Копия писарским почерком на листах английской почтовой бумаги с филигранью, сшитых и сложенных вчетверо. Другие просмотренные нами списки (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. 5422; РГАЛИ, ф. 2591, оп. 1, ед. 298) не содержат существенных разночтений с публикуемым.

- 1 Созыв всероссийского ополчения был возведен манифестом 29 января 1855 г. Он сопровождался выпуском специальной брошюры, в которой события 1855 г. уподоблялись Отечественной войне 1812 г., а также утверждалось, что война начинается в ответ на мольбы о помощи, с которыми обращались к царю единоверные сыны православной церкви. Брошюра называлась: «Всеобщее ополчение России за веру, царя и отечество, или русские ратники во времена Александра I и ныне царствующего Александра II». М., 1855. В сентябре 1855 г., сразу после падения Севастополя, Александр II и царская фамилия приехали в Москву, чтобы совершить паломничество в Троице-Сергиеву лавру и поклониться московским святыням. Статья Погодина с описанием московских торжеств истолковывала появление Александра II в первопрестольной столице как символический акт общения царя с народом (Московские ведомости. 1855. № 109).
- 2 Парижский мирный трактат был подписан 18 (30) марта 1856 г. Александр II приехал в Москву сразу после заключения мира и 30 марта 1856 г. принял местных предводителей дворянства. См. *Попельницкий А.* Речь Александра II, сказанная 30 марта 1856 г. московским предводителям дворянства. Голос минувшего. 1916. № 5/6. С. 393.
- 3 Подразумеваются вышедшие к этому времени богословские брошюры Хомякова «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси» (на франц. языке, Париж, 1853) и «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания Парижского архиепископа» (на франц. языке, Лейпциг, 1855).
- 4 Возможно, имеется в виду появление Хомякова в русском платье на обеде в Дворянском собрании в честь Д. Е. Остен-Сакена 5 марта 1856 г. (рассказ об этом эпизоде Бартенева приводится в статье).

литературное
НОВОИ
обозрение

№ 6 (1993-94)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)
Сергей Зенкин (теория)
Сергей Панов (история)
Татьяна Михайловская (практика)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)
Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)
Галина Белая (Москва)
Николай Богомолов (Москва)
Вадим Вацуро (Петербург)
Михаил Гаспаров (Москва)
Александр Жолковский (Лос-Анджелес)
Андрей Зорин (Москва)
Александр Лавров (Петербург)
Джон Малмстад (Кембридж, Массачусетс)
Александр Ошоват (Москва / Лос-Анджелес)
Омри Ронен (Анн Арбор, Мичиган)
Игорь Смирнов (Констанц / Мюнхен)
Роман Тищенко (Иерусалим)
Евгений Тоддес (Рига)
Александр Чудаков (Москва)
Михаил Ямпольский (Нью-Йорк)

МОСКВА